

Там какая-то пожилая женщина как раз расставляла низенькие столики. Заметив вернувшегося внука, она тихо окликнула его. Парень что-то буркнул в ответ. Старушка подошла, заботливо потрогала лоб Сяо Цяня, переговорила со старшим братом и, повернувшись к жаровне, принялась раздувать огонь под котлом. Кажется, они вовсе готовились стряпать.

— Это наше семейное дело, — пояснил старший брат Сяо Цяня. — Работаем только по вечерам.

Гоудань и Ван Сюань разобрали эти слова лишь со второго раза — выговор у парня был из рук вон плохим, а путунхуа он едва коверкал.

Ребята замялись, не зная, куда себя деть. Пока парень переговаривался с бабушкой, оба то и дело поглядывали на гостей. Гоуданю и Ван Сюаню оставалось лишь неловко улыбаться в ответ.

— Бабушка говорит, вы присаживайтесь пока. Скоро всё готово будет.

Бросив это на ходу, парень поспешил к жаровне, даже не проверив, поняли ли его корявый путунхуа.

Вокруг тоже закипела жизнь: хозяева соседних палаток один за другим раскидывали свои лотки. Ощущение было непривычным, почти странным. Гости покорно уселись на крошечные табуреты, но из-за своего высокого роста выглядели на них нелепо. Приходилось сильно поджимать ноги — колени торчали чуть ли не выше столешницы. Бёдра под стол не помещались, девать длинные ноги было решительно некуда, и казалось, что от малейшего движения они опрокинутся навзничь. Пришлось отодвинуть табуретки подальше и сесть, широко расставив колени.

— Я, пожалуй, лучше на корточки присяду, — пробормотал Гоудань. — Табуретки эти мало того что низкие, так ещё и узкие, того и гляди завалишься.

Гоудань попросил у парня нож и скоро нарезал принесённый с собой арбуз — на этот раз ломти вышли тонкими и аккуратными. Он протянул угощение хозяевам. Старший брат Сяо Цяня замотал головой, отказываясь, но Гоудань кивнул на тележку, где всё ещё спал младший, и силой всучил им два самых крупных куска.

Они с Ван Сюанем успели съесть лишь по небольшому ломтику, как на столе уже появились две огромные, дымящиеся тарелки жареной лапши — чаофэнь. Все ингредиенты были накрошены так мелко, что и не разобрать, но пахло блюдо умопомрачительно сытно и пряно.

Поблагодарив хозяев, ребята принялись за еду, осторожно дуя на обжигающие полоски лапши. Настоящий чаофэнь требует много масла; лапша должна таять во рту, едва обжигая язык.

— Невероятная вкуснотища! — восхитился Гоудань.

Парень горделиво вскинул подбородок — точь-в-точь как младший брат. Сразу видно, одна кровь.

Начинки не пожалели: мелко нарезанная нежирная свинина, свиная печень, тончайшие полоски сушёных морепродуктов и обилие зелёного лука. При жарке явно добавили чеснок и щепотку жгучего перца. Словом, вышло на славу.

Оба проголодались за день так, что за обе щеки уплетали лапшу. Парень, верно оценив их аппетит, приготовил поистине богатырские порции — вместо обычных тарелок перед ними стояли два глубоких железных таза. Убедившись, что его кулинарные таланты оценены по достоинству, старший брат подошёл к тележке и без лишних церемоний растолкал Сяо Цяня, бесцеремонно схватив за плечи.

Малыш что-то недовольно забормотал, отчаянно протирая кулаками глаза. Пошатываясь, он сонный подошёл к их столу и уселся рядом. Брат тут же поставил перед ним такую же внушительную порцию.

— А я думал, ты до утра проспишь, — удивился Гоудань.

— Брат считает, что ложиться спать натошак вредно, — проворчал Сяо Цянь. — Как бы сильно я ни хотел спать, он всё равно растолкает. Уж лучше сразу подняться, пока он мне все мозги не вытряс.

Из прежнего опыта он отлично знал: брат просто не желает возиться посреди ночи, если мелкий проснётся от голода и начнёт кланчить еду. Куда проще накормить его сейчас и забыть. Однажды Сяо Цянь уже устроил ночной бунт, требуя горячего, и с тех пор пощады не знал — если лёг без ужина, разбудят и заставят есть, хоть обрыдайся.

Сяо Цянь привычным движением вытянул палочки из бамбукового стакана.

— Ну как, вкусно?

Ребята согласно закивали:

— Отличная лапша.

Пока они ели, старший брат принёс три пиалы с прозрачным бульоном.

— Это цинтан, — пояснил Сяо Цянь, указывая на бульон. — Сделайте по глотку, а то всухомятку тяжело идёт.

От бульона исходил густой аромат моря с лёгкой рыбной ноткой.

— Его варят на раковинах и сушёных креветках. Пахнет немного специфически, зато вкус свежий и отлично сбивает жирность от лапши. Привыкнете — за уши не оттащишь.

— Заметили, сколько всего внутри? — продолжал хвастаться Сяо Цянь. — Добротная еда. Только у нас кладут столько начинки. В других лавках вы сушёных морепродуктов днём с огнём не сыщете, эта штука даже у нас не дешёвая.

— Вообще-то бабушка готовит ещё вкуснее. Но она старенькая, долго у плиты стоять не может, так что теперь только помогает, а брат за главного.

Ван Сюань аккуратно поставил пиалу. Суп и впрямь оказался превосходным.

— И сколько же работы у вас двоих на круг выходит? — поинтересовался он.

Сяо Цянь покосился на него:

— Я только на каникулах подрабатываю — вожу туристов да помогаю цену сбивать при покупках. Платят немного, да и заказы редко бывают. А по вечерам здесь помогаю: посуду убираю, столы вытираю, ничего сложного. В обычные дни я в школе учусь.

Он явно намекал, что его помощь и за настоящую работу считать не стоит.

— Твой брат днём помогает в ресторане, а по вечерам здесь у жаровни стоит. Как же он со школой справляется? — спросил Ван Сюань, прикинув нагрузку.

— А брат не учится больше. Окончил среднюю школу и бросил, к наукам у него душа не лежит. Вот и пашет теперь на двух работах. Он сейчас зарабатывает, чтобы я мог учиться. А когда я вырасту и начну получать деньги, то буду содержать его. Накопим побольше — откроем свой ресторан, и брат станет настоящим хозяином.

Сяо Цянь вытер рот рукавом, бесхитростно выложив всю их нехитрую семейную историю.

— Да уж, никому легко не приходится, — вздохнул Ван Сюань.

— А вы-то как? — спросил Сяо Цянь. — Ко мне обычно солидные взрослые нанимаются, а вы совсем молодые. Почти как мой брат.

— Ха, ну а мы просто из любопытства приехали, мир посмотреть, — отшутился Гоудань.

Сяо Цянь фыркнул — бог знает, поверил он или нет, но расспросы прекратил и принялся уплетать арбуз прямо поверх съеденной лапши. Для такого заморыша аппетит у него был просто поразительный.

Гоудань и Ван Сюань к острой пище привыкли не были — дома они разве что солёные овощи ели, да и то Ван Сюань не позволял увлекаться специями. Так что они ели не торопясь, чередуя обжигающую лапшу с прохладным бульоном, и закончили даже позже Сяо Цяня.

Такое блюдо они пробовали впервые, и оно пришлось им по вкусу: сытное, жирное, сдобренное мясом — для тех, кто вырос на пресных похлёбках и пересоленных разносолах, наваристая и пряная еда казалась верхом блаженства.

Гоудань дорезал оставшуюся половину арбуза и попросил Сяо Цяня отнести брату и бабушке. Тот не заставил себя упрашивать и споро разнёс куски.

— Эх, — сыто потянулся Гоудань. — После такой сытной еды холодный сладкий арбуз — чистый рай!

Ван Сюань, не обращая внимания на довольное сопение названного брата, достал деньги. Сяо Цянь деловито принял плату и побежал за сдачей.

Заодно они подсчитали сегодняшние комиссионные за покупки и услуги гида, и Ван Сюань тут же, без проволочек, полностью рассчитался с мелким.

Мальчишка спрятал деньги без лишней скромности и на прощание деловито добавил, чтобы в следующий раз они обязательно заглядывали к их семейному очагу.

Ребята пообещали заходить и тепло попрощались. Отойдя на приличное расстояние, они обернулись: маленький гид уже вовсю сновал между столами — убирал грязную посуду, протирал столешницы и зазывал новых клиентов, которых у лавки заметно прибавилось.

— Шустрый малый, — не без уважения заметил Гоудань. — Только из тележки выполз, глаза продрал — и уже за работу. Наверное, оттого и не растёт совсем, что пашет как проклятый.

Одиннадцать лет, а выглядит совсем воробышком. И как только умудряется выбивать себе заказы? Наверняка поначалу приходилось туго — кто в здравом уме доверит свои деньги такому сорванцу? Сколько порогов ему пришлось обить, сколько раз выслушать отказы, прежде чем заработать свои первые гроши?

— Каждому своё достаётся, — тихо отозвался Ван Сюань.

Прежде ему казалось, что тяжелее его собственного детства и представить нельзя: сирота при живых родственниках, вечные понукания в доме дяди, где он едва не расстался с жизнью.

Потом его приютила семья Ли, но и там они перебивались с хлеба на воду. Отец Гоуданя, честнейший и добрейший Лао Сы, вкалывал до седьмого пота за рабочие баллы, но в неурожайные годы этого едва хватало, чтобы не протянуть ноги. Они частенько ложились спать на голодный желудок, наглотавшись колодезной воды, которая потом уныло булькала при каждом шаге. А долгими зимними ночами они дрожали от лютого холода под худыми одеялами, баюкая распухшие от обморожения пальцы рук и ног. Тогда все их мысли крутились вокруг одного — как раздобыть хоть какую-то еду. В ход шло всё подряд: дикие травы, птицы, даже лесные жуки.

И всё же, оглядываясь назад, Ван Сюань понимал, что сквозь всю эту нужду проглядывало какое-то простое, щемящее счастье.

В мире полным-полно детей, чьё детство мало чем отличается от их собственного. И только благодаря какому-то чуду, упрямству и слепой удаче они ухитряются выжить и вырасти.

Им с Гоуданем повезло — они выросли крепкими, не сгинули от голода, холода или лютой хвори.

— О чём задумался? — Гоудань, бережно прижимая к груди последний целый арбуз, легонько толкнул Ван Сюаня плечом.

— Да так... Детство наше вспомнилось.

— И охота тебе всякую дрянь вспоминать? — фыркнул Гоудань. — Я вот лишний раз и думать об этом не хочу. Помню только, как жрать постоянно хотелось, аж зубы сводило. Приятного мало.

Ван Сюань лишь мягко улыбнулся. В этом был весь Гоудань — он никогда не цеплялся за прошлое. Хорошее ли, плохое — прошло и быльём поросло, надо жить дальше и смотреть вперёд. Он не плакал над грустными книгами, не изводил себя пустой жалостью к чужой беде. Для него мир делился чётко: другие — это другие, а мы — это мы. Каждому отмерена своя чаша, и чужой слезой свою сушь не утолишь.

И его собственную былую сиротскую долю никто за него не оплачет.

— Ты чего это из-за Сяо Цяня с братом нос повесил? — продолжал ворчать Гоудань. — Мальчишка — кремень, вон какой хваткий. Чего его жалеть? Некоторым взрослым у него ещё поучиться надо. Будь я в его годы таким шустрым, мы бы впроголодь не сидели. Так что, по твоей логике, надо жалеть тех бестолковых взрослых, которые и доли его не стоят? А Сяо Цянь — молодец, пропадёт разве что на том свете.

Ван Сюань невольно рассмеялся. Гоудань всегда умудрялся вывернуть всё по-своему, но в его простых словах крылась сермяжная правда.

— Твоя правда, Гоудань-ге. Им гордиться надо, а не жалеть.

Гоудань довольно кивнул.

— Но ты, Гоудань-ге, в детстве тоже был невероятно способным. Если бы не ты, я бы точно тогда не выжил.

Просто времена были другие, развернуться им никто бы не дал. Да и условия в глухой деревне Сикань разительно отличались от этого южного городка. В городе малые дети учатся деньги зарабатывать, а в деревне верхом мастерства было просто не помереть с голоду и суметь прокормить себя.

Пусть Лао Сы и приносил каждый вечер рабочие баллы, но против засухи или неурожая не попрёшь. Они вечно недоедали. Отец Гоуданя был слишком бесхитростным и честным человеком, так что в самые суровые месяцы мальчишкам приходилось самим рыскать по округе в поисках съестного, умудряясь ещё и отцу приносить какую-никакую добычу.

За этими разговорами они и не заметили, как подошли к дверям своей гостиницы.

<http://bllate.org/book/19654/1996770>